

словомъ, какъ слово «выражаться» понимается въ смыслѣ—ругаться неприличными словами. Простой народъ употребляетъ непонятныя книжныя слова тоже съ извѣстнымъ своеобразнымъ «толкомъ».

Пока происходилъ пиръ у старшины, Егоръ, пораженный тѣмъ, что «Ерможку такъ величаютъ», выглядывалъ изъ-за угла дома съ самыми злыми намѣреніями. Посреди пира загорается домъ старшины, его богатство гибнетъ. Егоръ спасаетъ маленькаго ребенка своего врага и всенародно кается въ поджогѣ. Его забираютъ въ острогъ, судятъ и оправдываютъ, послѣ чего онъ уходитъ въ монастырь.

Въ такой средѣ работаютъ Анна Герасимовна и отецъ Петръ, о высокой дѣятельности которыхъ подробно говорится въ разсказѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ случайнаго посѣщенія деревни, разсказчикъ снова встрѣчается съ Анной Герасимовной въ Венеціи, но сельская учительница пріѣхала туда, чтобы только оправиться послѣ тифа, завершившаго голодный годъ. Она сообщаетъ разсказчику деревенскія новости—о судьбѣ Егора, о томъ, какъ спился старшина. «Многаго вы у насъ теперѣ бы не узнали, говоритъ она.—Молодежь подросла и на стариковъ совсѣмъ не похожа. Не ждуть ни на водку, ни на чай. Подлости прежней нѣтъ. Правда, старики смущаются—шапокъ не ломаютъ и подобострастія никакого. Поклонится—и прочь. Зато съ ними можно на слово дѣло имѣть. Что сказалъ, то и сдѣлаетъ, не надуетъ. Порядокъ узнали—и грамотные. Читальню вотъ заведу. Въ чайной у меня кое-какія изданія и дешевыя газеты, и книги. Въ праздникъ—одна вслухъ, а другіе кругомъ—и тихо, какъ въ церкви»...

Дѣйствительность-ли это?—Если и нѣтъ, если это только одни благородныя желанія, то г. Немировичъ-Данченко, во всякомъ случаѣ, среди тѣхъ, кто работаетъ для осуществленія этихъ желаній.

Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» печатаются письма Тургенева къ его французскимъ друзьямъ, въ «Вѣстникѣ Европы»—отрывки изъ переписки гр. Алексѣя Толстого. Интересъ писемъ Тургенева—къ Жоржъ-Занду, Сентъ-Беву, Теофилю Готье, Тэню и Ренану—незначителенъ. Это—извѣщенія о полученіи или посылкѣ книги, о предстоящей поѣздкѣ, о болѣзни, помѣшавшей сдержатъ

слово, извиненія, изъявленія благодарности и т. п. Есть отзывы о полученныхъ Тургеневымъ отъ его знаменитыхъ друзей произведеніяхъ ихъ, но это тѣ безусловно лестныя общія мѣста, какія требуютъ больше изобрѣтательности въ выраженіяхъ, чѣмъ искренности. Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ письма гр. Алексѣя Толстого. Въ интимной перепискѣ съ близкимъ ему лицомъ онъ говоритъ все, что думаетъ, о чемъ вспоминаетъ, словомъ, высказывается весь. Его страстная любовь къ искусству была отчасти вызвана жаждой болѣе широкаго кругозора, чѣмъ тотъ, какой былъ у людей окружавшей его среды, гдѣ онъ слышалъ только слова: «чинъ, вицмундиръ, начальство». Онъ рассказываетъ, какъ онъ увлекся, слушая разговоръ двухъ знакомыхъ о контрапунктѣ, несмотря на то, что самъ былъ профаномъ въ музыкѣ. «Ты не можешь себѣ вообразить, съ какимъ удовольствіемъ я вижу людей, которые посвятили себя какому-нибудь искусству. Видѣть людей, которымъ за 50 лѣтъ, которые жили и живутъ во имя искусства и которые относятся къ нему серьезно, мнѣ доставляетъ всегда большое удовольствіе, потому-что это такъ рѣзко отдѣляется отъ такъ-называемой *службы* и отъ всѣхъ людей, которые подъ предлогомъ, что они служатъ, живутъ интригами, одна грязнѣе другой. А у этихъ добрыхъ людей, внѣ служебнаго круга—и лица другія. Такъ и видно, что въ нихъ живутъ совсѣмъ другія мысли, и смотря на нихъ, можно отдохнуть. Не хочется мнѣ теперь о себѣ говорить, а когда-нибудь я тебѣ расскажу, какъ мало я рожденъ для служебной жизни и какъ мало я могу принести ей пользы. Я родился художникомъ, но всѣ обстоятельства и вся моя жизнь противились тому, чтобы я сдѣлался *вполнѣ* художникомъ». Его аристократическія влеченія были влеченіями художника. «Я люблю, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—чтобы были великолѣпныя дворцы, прекрасныя экипажи, но главное—художественныя шедевры,—но самъ не люблю ихъ имѣть. Я ихъ уважаю, я ихъ люблю, я ужасно страдаю, когда я вижу, что ими пренебрегаютъ или ихъ портятъ, но я самъ никакъ не согласился-бы жить въ роскошномъ дворцѣ. Еще пожалуй—имѣть художественныя вещи, но мнѣ противно было-бы имѣть великолѣпный апартаментъ—золоченый, или богато сервированный столъ, или ливрейныхъ лакеевъ и т. д. и т. д.». Но не искусство

для искусства занимало его. «Думаешь-ли ты, спрашиваетъ онъ, что изъ меня что-нибудь когда-нибудь выйдетъ? И что можетъ когда-нибудь изъ меня выйти? Если-бы дѣло было только въ томъ, чтобы взять въ руки факель и поджечь пороховую мину и себя взорвать вмѣстѣ съ нею, я сумѣлъ-бы это сдѣлать; но сколько людей сумѣли-бы также это сдѣлать... Я чувствую въ себѣ сердце, умъ—и большое сердце, но на что оно мнѣ? Но у меня тоже есть лучъ свѣта впереди, и мнѣ всегда казалось, что я предназначенъ для чего-нибудь. Андре Шенье тоже это думалъ, но онъ ошибся, такъ-же, какъ, можетъ быть, и я ошибаюсь. Въ этомъ лучѣ свѣта я всегда предвидѣлъ большую способность самоотверженія,—но во имя чего? Въ пользу кого? Не знаю...» Иногда на него нападали минуты глубокой тоски. «Работать мнѣ слишкомъ трудно, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ:—можетъ быть, я могъ-бы писать смѣшныя вещи, но ничего не могу писать такого грустнаго и серьезнаго, какъ моя душа теперь. Я понимаю, отчего природы такія глубоко-печальныя, какъ Мольеръ и Гоголь, могли быть такими комиками. Чтобы хорошо передать что-нибудь, хорошо оцѣнить, нужно быть внѣ этого, такъ-же какъ надо выйти изъ дому, чтобы срисовать фасадъ дома». О современной ему литературѣ онъ невысокаго мнѣнія. «Что касается до нынѣшней натуральной школы, это—просто дурной хламъ, инвентарій мебели и пустые разговоры». «Писемскій читалъ одинъ изъ своихъ романовъ, очень скучный и весь составленный изъ описаній и діалоговъ, безъ малѣйшаго дѣйствія и безъ малѣйшаго анализа чувства (психологiи). Тургеневъ восторгался и восклицалъ: «Прекрасно! какъ вѣрно!» etc.. На слѣдующій день я сказалъ Тургеневу, что вполнѣ отрицаю талантъ Писемскаго или, по меньшей мѣрѣ, признаю за нимъ только талантъ commissaire-priseur, и онъ довольно вяло его защищалъ». О Тургеневѣ онъ другого мнѣнія. «Въ самомъ дѣлѣ, очень хорошо,—говоритъ онъ о «Запискахъ охотника»,—безъ окончательной формы... оно какъ-то переходитъ изъ одного въ другое и принимаетъ всевозможныя формы, зависящія отъ настроенія духа, въ которомъ находишься. Мнѣ напоминаетъ это какую-то сонату Бетховена... что-то деревенское и простое...» Вообще взгляды А. Толстого оригинальны. «Я вѣрю Богу, говоритъ онъ, и у меня невысокое мнѣніе о разумѣ че-

ловѣческомъ, и я не вѣрю тому, что онъ называетъ возможнымъ и невозможнымъ,—я вѣрю больше тому, что я *чувствую*, чѣмъ тому, что я понимаю, такъ-какъ Богъ намъ далъ чувство, чтобъ идти дальше, чѣмъ разумъ. Чувство—лучшій вождь, чѣмъ разумъ, такъ-же какъ музыка совершеннѣе слова».

Въ текущемъ году женскія гимназіи въ Россіи могутъ праздновать свой сорокалѣтній юбилей: въ 1857 г. появились у насъ первыя «училища для приходскихъ дѣвиць», переименованныя потомъ въ женскія гимназіи и прогимназіи. Г-жа Лихачева, въ статьѣ «Начало женскихъ гимназій въ Россіи», въ «Вѣстникѣ Европы», сообщаетъ исторію возникновенія этихъ учебныхъ заведеній. Сорокъ лѣтъ тому назадъ среднее образованіе у насъ было доступно дочерямъ только дворянъ и офицеровъ, притомъ въ ограниченномъ числѣ и въ искусственной обстановкѣ институтовъ. Само общество не сознавало потребности въ женскомъ образованіи. На запросъ министра Норова въ 1856 г., попечители учебныхъ округовъ отозвались съ видимымъ недоумѣніемъ, зачѣмъ правительству нужны женскія школы, «приближенныя по курсу къ гимназіямъ». Одинъ изъ нихъ даже высказалъ мнѣніе, что «теперь дѣвушекъ учатъ слишкомъ много—точно всѣ готовятся въ гувернантки». Всѣ попечители заявили также, что никакихъ средствъ на устройство новыхъ училищъ въ виду не имѣется. Цѣли новыхъ училищъ никто не понималъ; нашелся единственный благожелательный провинціальный корреспондентъ, взявшійся объяснить читателямъ необходимость новыхъ училищъ «для будущихъ женъ чиновниковъ» такимъ образомъ: такъ-какъ большинство чиновниковъ кончили курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то для ихъ женъ требуется образованіе въ объемѣ приходскаго или уѣзднаго училища. «При такихъ училищахъ, по мнѣнію автора корреспонденціи, должны быть устроены пансіоны, ибо «экипажей у чиновниковъ нѣтъ, посылать въ училище дѣвочку въ сопровожденіи прислуги трудно, а дѣвчкѣ одной ходить по улицѣ неприлично». Извѣстная статья Пирогова «Вопросы жизни» вызвала въ образованномъ меньшинствѣ общества живой интересъ къ женскому образованію, но меньшинство это было ничтожно. Идея объ открытыхъ всесословныхъ женскихъ училищахъ съ большимъ тру-